

Время и материальность ЧТЕНИЯ

Павел Арсеньев

Павел Арсеньев. Университет Гренобль-Альпы, Гренобль, Франция; Литературно-теоретический альманах [Транслит], Москва, Россия, lartpaulars@gmail.com.

Обзор посвящен нескольким событиям, произошедшим в области изучения материальности чтения — круглому столу Высшей школы социальных исследований (*École des Hautes Études en Sciences Sociales*), состоявшемуся в библиотеке Алькасара в Марселе. Организаторы круглого стола обозначили его тему как «Время чтения» (*Le temps de la lecture*). Вторым элементом обзора стала недавняя публикация — книга Андре Фрейжомиля «Искусство браконьерства: материальная история чтения <в работах> Мишеля де Серто» (*Arts de braconner: une histoire matérielle de la lecture chez Michel de Certeau*). Материальная история чтения — зачастую воспринимаемого, скорее, как нематериальная процедура — методологически происходит из анализа дискурса Мишеля Фуко, чувствительна не только к материальности знаков, размещенных на странице, но и контекста публикации, определяющего смысл *читаемого* (а не только *написанного* и «запрограммированного» автором). Она восстанавливает в правах материальные носители текстов и рассматривает их наряду с техниками читающего тела как факторы, участвующие в развертывании процедур понимания. Материальная история чтения позволяет увидеть свой объект как эмпирическую, социальную и исторически контекстуализированную практику, задействованную в определенных сообществах — причем не только «интерпретативных», но и в таких, которые можно было бы назвать «телесно моторными».

Ключевые слова: *материальность чтения; время чтения; Мишель де Серто; Роже Шартье; Мишель Фуко; материальная библиография; материальная история книги; культура чтения.*

В сентябре 2022 года по инициативе Высшей школы социальных исследований (*École des Hautes Études en Sciences Sociales*) в Марселе проходил фестиваль социальных наук *Allez Savoir*, который в этом году носил заголовок *A contre temps*, что можно перевести как «Не вовремя», и был целиком посвящен теме времени и всевозможным формам его замедления, остановки и ускорения — в истории, современности и возможных сценариях будущего.

Один из круглых столов был посвящен «Времени чтения» (*Le temps de la lecture*) и собрал специалистов, изучающих материальность чтения: Филиппо Ронкони (*Filippo Ronconi*) занимается средневековым чтением и изучением рукописных книг как материальных объектов, а Кристин Беневан (*Christine Bénévent*) называет свою область исследований «материальной библиографией» и изучает историю книги и библиотек в Новое время. Моделировал встречу нынешний руководитель EHESS и редактор журнала *Annales. Histoire, Sciences Sociales* — Этьен Анхейм (*Étienne Anheim*).

Чтение *разворачивается* во времени, но всегда делает это благодаря пространственным носителям. В древнегреческом глагол «читать» (*anágnosi*) значил узнавать/распознавать буквы, что вплоть до Средних веков было вполне нетривиальной задачей ввиду отсутствия пробелов между словами. Собственно, именно поэтому чтение вслух, то есть произнесение и тем самым распознавание слов, практиковалось столь широко, а не из-за неумения «древних людей» читать с закрытым ртом. У этого же ритуала имелись и другие причины или во всяком случае импликации: еще в эпоху Ренессанса чтение понимается как процесс, приносящий удовольствие. Вопреки сегодняшнему высокомерному отношению к чтению для удовольствия («и только»), именно это было одной из задач «сеансов» чтения, причем коллективных.

По этой причине интериоризация чтения — довольно позднее изобретение и к тому же не безоговорочно положительное, если оно лишило эту практику устойчивой связи с удовольствием и коллективностью или во всяком случае диверсифицировало разные типы чтения. Новый тип чтения — безмолвный и уединенный — связан со схоластикой и может быть назван «ученым» (*lecture savant*), однако наряду с ним по-прежнему существуют иные режимы чтения, один из которых продолжает связывать чтение с публичной речью и, следовательно, с участием в политике. Что пре-

жде практически неизбежно подразумевало практику «взятия слова» на публике, а риторику ставило довольно высоко в иерархии практических наук. Таким образом «ученое» чтение было в основном уделом «идиотов», то есть тех, кто в греческом смысле слова *idiōtēs* удалялся от политической жизни и публичной речи. Еще одной областью, в которой по-прежнему применялось «диафрагматическое» чтение, была литургия, которая темперировала социальное время по дням недели или часам дня.

Интериоризированное чтение с момента своего возникновения не перестает завоевывать уже имеющиеся социальные практики и изобретать новые культурные техники. Так, одна из них — индекс — позволяет экономить время даже в рамках этого типа чтения. Как выразился составитель каталога Венской библиотеки в ответ на удивление о том, как же он ориентируется во всем многообразии представленных наименований, он «просто не читает книг (только каталог)». По подсчетам библиографов Национальной французской библиотеки (*Bibliothèque Nationale Française*) — для прочтения всех представленных в ней изданий человеку понадобилось бы 150 миллионов лет. И давление этого объема текстов, постоянно только возрастающего, требует изобретения еще более слепых режимов чтения или «перемещения» по массиву данных, изобретения новых культурных техник, аналогичных изобретению индекса.

Изменение режимов и «времени» чтения (длительности, регулярности, фрагментарности) определяло и изменение его материальности, то есть формы и устройства носителей. Наиболее древнее чтение и обуславливающие его устройства требовали двойной мануальной активности — разворачивания и сворачивания свитка (причем горизонтально, а не вертикально, как полагают в Голливуде), что делало книгу чем-то напоминающей современную газету (или чтение книги — напоминающим чтение газеты). Требования такой материальности чтения касались и чисто композиционного устройства (пара)текстуальности: заголовок рукописи, составлявшей содержание свитка, располагался в конце и лишь потом он мигрирует в начало или туда, что впоследствии будет называться обложкой.

Только освобождение одной из рук (ранее сворачивавшей или разворачивавшей края свитка), произошедшего благодаря появлению новой формы носителя — кодекса, дает рождение пометкам на полях или *scholia* — технике, что до сих пор несет в своем названии принадлежность к эпо-

хе схоластики и тем самым дает датировку времени своего возникновения. Помимо возможности оставлять пометки на полях, вскоре ставших культурной привычкой, «антропология» чтения кодекса отличалась особенной синкопичностью или прерывистостью, которая наряду с пометками работала на трансформацию практики чтения в направлении более диалогической по отношению к тексту.

Если материальность кодекса продуктивно расщепляла время чтения, это отнюдь не значит, что все последующие трансформации будут вести к равно знаменательным следствиям. С появлением новых видов перемещения в пространстве появляются и новые форматы чтения и «транспортировки воображения» (*transport* во французском языке, кроме очевидного имеет значение живой эмоции, страстного, иногда религиозного, чувства, которое движет, ведет человека, переживающего его). Так, к примеру, французское издательство *Hachette*, возникшее тогда же, когда и далекий предшественник «Национального общества французских железных дорог» (*Société Nationale des Chemins de fer Français*, SNCF), изобретает формат и объем издания, содержание которого вскоре получит название «привокзальной литературы» (*littérature de la gare*). А уже в 1924 году Борис Эйхенбаум жаловался на то, что «“железнодорожная” литература перешла со станции в город»¹, вероятно, имея в виду именно такие книги, которые можно успеть прочитать во время путешествия по классическому литературному маршруту из Петербурга в Москву. Сегодня же издатели по-новому дробят время чтения, производя продукцию, членение которой на отдельные фрагменты соответствует ритму метро.

Наконец, внимательное изучение материальности чтения и истории книги позволяет поколебать некоторые мифы о чтении как об исключительно привилегированном занятии. Так, к примеру, довольно сложно определить процент грамотных граждан в Древней Греции — он колеблется от 20 до 80%, поскольку для участвующих в политической жизни людей и даже для ораторов умение читать было отнюдь не обязательным условием — это занятие вполне естественным образом делегировалось рабам. Вплоть до Средних веков такие антропоморфные аудиокнижки делали чтение, скорее, технической процедурой и подсобной операцией — по отношению к «коммерции идей» или композиции слов. В XIX веке грамотность граждан становится по-

1. Эйхенбаум Б. В поисках жанра // Русский современник. 1924. № 3. С. 229.

литическим эффектом Просвещения, но далее чтение как культурная практика расщепится на отдельные поля и этажи, так что уже Чернышевский будет определять задачу своего романа как изложение идей для «тех, кто не читает ничего кроме романов».

Искусство браконьерства, или чтение другого чтения

Одной из наиболее обязательных референций в случае обсуждения материальной истории чтения является имя Мишеля де Серто, который крайне скупно переводился на русский язык², притом что во французском интеллектуальном мире его наследие обладает неизменной притягательностью. На сегодняшний день чтение самого Серто может становиться объектом описания, что и является случаем разбираемым ниже. Андре Фрейжомиль не так давно выпустил монографию под соблазнительным заголовком «Искусство браконьерства: материальная история чтения в работах Мишеля де Серто»³.

Автор применяет браконьерское чтение к корпусу работ самого де Серто (что можно было бы жанрово определить как «оммаж-атака»), который в течение всей его жизни находился в движении, более приличествующем поэтам⁴, и осложнял

2. *де Серто М.* Сад: блажь и блаженство Хиеронимуса Босха // Художественный журнал. 1996. № 13 (из его книги «Баснословие мистиков»); *Он же.* Сотворение места // Сегодня. 1996. № 165; *Он же.* Искаженный голос // Новое литературное обозрение. 1997. № 28 (последние два источника представляют собой две главы из книги «История как письмо»); затем еще две главы из первого тома «Изобретения повседневности»: *Он же.* Хозяйство письма // Новое литературное обозрение. 1997. № 28; *Он же.* Голос в кавычках // Ex Libris НГ. 1998. № 8). Далее: *Он же.* Общее место: обыденный язык // Неприкосновенный запас. 2007. № 4; *Он же.* Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2; *Он же.* Историографическая процедура // Неприкосновенный запас. 2014. № 3; *Он же.* По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. И наконец, введение к монографии «История как письмо»: *Он же.* Разновидности письма, разновидности истории // Логос. 2001. № 4. После этого вышел перевод книги де Серто: *Он же.* Искусство делать // Изобретение повседневности. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2013. Т. 1., а также наш перевод введения к политическим эссе де Серто: *Он же.* Взятие речи // Транслит. 2013. № 13.

3. *Freijomil A. G.* Arts de Braconner: une Histoire Matérielle de la Lecture chez Michel de Certeau. P.: Classiques Garnier, 2020.

4. Ср., к примеру, замечания о перманентном процессе переписывания своих ранних текстов Аркадия Драгомощенко: «Палимпсест в случае Драгомощенко не сводится к интертекстуальности – во-первых, он писал не только

ся материальной историей самих текстов — местом публикации, редакторскими вставками и т. д. Напряжения, существующие между *стратегиями письма* и *тактиками чтения* (именно таков, по де Серто, удел пользователей текста), разворачиваются между постоянством книги как материального объекта (макета) и возможностями, открывающимися перед изобретательностью «браконьерствующих» читателей.

«Поэтика чтения», «читательский палимпсест» и тому подобные формулировки, используемые Фрейжомилем, набрасывают на операцию чтения категориальную сетку — как и полагается браконьерам, — применяемую обычно к описанию создания текстов или творчеству как таковому (*poëien*). Таким образом, чтение описывается как сотворчество, что неизбежно модифицируя сами категории дескриптивной поэтики и интерпретации текста (как стабильного объекта). Так, к Серто — читателю, переводчику, публикатору текстов французских иезуитов XVI–XVII веков, а также автору собственных текстов, автор этого исследования применяет техники классической экзегезы. Сперва — историческое прочтение в контексте времени и места издания. Затем — типологическое чтение и только после этого — чтение *морфологическое*, которое внимает жестам и следам практик предшествующего чтения (подчеркивания, заметки на полях и вложенные в книгу «чужеродные» листки). Наконец, в самом конце следует *генеалогическое* чтение, реконструирующее цепочки модификаций текста, действительно менявших его смысл. Для автора обсуждаемой монографии филология оказывается *искусством чтения (другого) чтения*.

Материальная история чтения — казалось бы, довольно нематериальной процедуры, хотя и всегда опирающейся на материальные носители — методологически происходит, по мнению Роже Шартье, из анализа дискурса, предложенного Мишелем Фуко (к нему же возводит свой метод медиа-анализа и Фридрих Киттлер⁵). Она так же внимательна к материальности, но уже не только знаков, напечатанных на странице, но и контекста публикации, определяющего смысл *читаемого* (а не только *написанного* и «запрограммированного» автором). Как сказали бы формалисты, эту дисци-

на полях, поверх чужих текстов, но и постоянно переписывал, видоизменял собственные. Безостановочный процесс, work in progress, в котором угадывается одержимость темпоральностью акта письма, трансформирующего пишущего». См. в: Скидан А. Сыр букв мел. СПб.: Jaromír Hladík press, 2019.

5. Kittler F. Discourse Networks 1800–1900. Stanford: Stanford University Press, 1990.

плину интересуется не только литературный (текстовый) ряд, но и его корреляции с *параллельными рядами* — или во всяком случае *рядами прилегающими*, как можно было бы определить материальность текстуального носителя. Приведем простой пример, демонстрирующий эвристику такого материально чувствительного прочтения классической статьи.

В своей статье «Язык нашей газеты» Григорий Винокур провозглашает перспективу изучения «значения газеты как специального факта литературного порядка»⁶, что было довольно необычно и даже вызывающе в контексте формалистского призыва к спецификации литературы и поэтического языка как того, что *par excellence* только и заслуживает спецификации. Это может показаться случайной фразеологической переключкой эпохи, но возможно, это тот самый случай, когда просто быть знакомым с содержанием текста филологу недостаточно и необходимо быть осведомленным о материальном контексте высказывания Винокура, то есть стать материальным историком. Дело в том, что эта статья в последнем выпуске ЛЕФа идет сразу после знаменитой статьи Юрия Тынянова «Литературный факт», что, очевидно, не могло не сказываться на ее восприятии читателем. Как довольно близкий редакции автор, Винокур мог быть осведомлен о композиции этого выпуска, если начал первую главку своей работы со слов: «Значение газеты как специального факта литературного порядка у нас еще совершенно не выяснено»⁷. Винокур хочет заземлить «бесплодные дискуссии о литературных качествах наших газет» на какую-то материальность, но не нащупывает никакой другой, кроме материальности языка. Ему приходилось наткнуться на уже опробованные ходы ОПОЯЗа, он фактически повторяет слова Тынянова о газете как «литературном факте», как бы присоединяясь к предложенной в предшествующей статье ЛЕФа теоретической перспективе своим прикладным исследованием о языке газеты. И все же налицо немалый сдвиг, поскольку с периферией культуры языка, которая всегда служила лишь фоном для выделения драгоценных фигур поэтической речи, Винокур намеревается проделать *то же самое* — определить особенности «газетного языка как специфической речи»⁸.

6. Винокур Г. Язык нашей газеты // ЛЕФ. 1924. № 2. С. 117.

7. Там же. С. 117.

8. Там же. Подробнее об очерках «лингвистической технологии» Винокура на подступах к теории материальной культуры речи см.: Арсеньев П. От сло-

Такое прочтение можно назвать сильными в том смысле, что оно приближается к *переписыванию*, но в этом же отличается от постструктуралистского фантазматического считывания, опирается не столько на промискуитет означающих, сколько на их материальные следы и, будучи внимательно к материальной культуре существующих текстов, их бытованию или даже, если угодно, *быту*, позволяет сказать что-то новое об их значении. Если язык как система для многих на излете долгой истории (пост)структурализма и формализма представлялся тюрьмой⁹, то чтение книги, понятое как процедура, может открывать непринужденную сторону взаимодействия с текстовым массивом или даже оказываться практикой свободы. Как признается Фрейжомиль, рассказывая о своем знакомстве с текстами Мишеля де Серто, в период поиска интеллектуальной и институциональной принадлежности, он и сам избегал чтения в библиотеке и предпочитал владеть читаемыми книгами, поскольку обожал подчеркивать и оставлять глоссы. Для историка материальности чтения подобное обстоятельство обладает решающим характером и поводом для рефлексии над собственной исследовательской практикой.

С позиций де Серто столь важным будет и то, что его собственные тексты не только имели определенную текстологическую судьбу, которую можно проследить по журнальным публикациям, но и определенную судьбу своей циркуляции, поскольку задействовали иезуитскую *de facto* сеть распространения, сохраняющую свою инфраструктуру вплоть до середины XX века¹⁰. Не менее, чем существование ордена во времена студенческих протестов 1968 года

вотворчества к словостроительству: Винокур, Платонов, Третьяков в дискурсивной инфраструктуре авангарда // Новое литературное обозрение. 2022. № 1. 9. См. знаменитую по крайней мере своим заголовком книгу: *Jameson F. The Prison-House of Language. A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton: Princeton University Press, 1972. Ср. не менее знаменитую бартовскую квалификацию языка (грамматической системы) как фашиста, свидетельствующую об аналогичной усталости от текстоцентричных подходах внутри самого (пост)структурализма: «...язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто». См. в: *Барт Р. Лекция // Избранные работы*: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 549.

10. Это замечание заставляет задаться вопросом, не были ли в свое время организованы аналогичные дискурсивные сети русского авангарда или московского концептуализма, возможно, существующие и сохраняющие свою власть до сих пор и позволяющие циркулировать именам, идеям и публикациям?

(а Серто был тем, кто связывал эти контексты), примечателен тот факт, что и тогда, в XVI веке, когда возникла мощная медиакорпорация иезуитов, она способствовала обнаружению медиа- и институциональной чувствительности своих участников и даже культивировала их. По этой причине «то, что представляется нам в литературе непостижимым достижением одиночки, является в значительной мере результатом работы такой организации, которую мы можем охарактеризовать как превосходно оснащенное совершающее стратегические операции медиапредприятие»¹¹. Предприятие обозначалось с тех пор и вплоть до XX века на форзацах в скобках сразу следом за именем автора — в точности как сегодня академическая аффилиация: [Societas Jesu]¹².

Серто жил в эпоху сравнительно критического настроения французских интеллектуалов по отношению ко всякому религиозному призванию, что не мешало ему ассоциировать себя и с первыми, и с иезуитским орденом, — это позволяет Фрейжомиллю даже говорить о «иезуитской поэтике» текстов де Серто. И если уж принадлежность к ордену учит перенаправлять, во всяком случае часть, авторских заслуг коллективному предприятию, объяснимы и импликации этой иезуитской поэтики, размывающей устойчивые категории авторства. Наконец, аргентинец по рождению, Фрейжомиль не может не связать стиль этого апостола браконьерского чтения и материальности книги с Борхесом, также испытывавшим все искушения заядлого «перечитывателя» и «переписывателя»: путать цитирование с упоминанием, чтение — с письмом (коль скоро они приносят сопоставимое удовольствие от текста).

Одним из выводов Фрейжомилля является то, что де Серто предпочитал журналы как место первых публикаций своих текстов. Еще одним — уже упомянутое постоянное вторичное использование своих текстов. Все это заставляет автора прочесть именно первые версии текстов де Серто, где бы они не появлялись и, следовательно, определить перво-

11. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. М.: Ad Marginem, Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 177.

12. К истории этого предприятия питает пристальный интерес и симпатию, например, такой современный медиатеоретик, как Зигфрид Цилински, и именно ее институциональные следы он ищет в исследованиях интересующих его сюжетов. См. об этом подробнее главу «Иезуитская аффилиация» в рецензии на «Археологию медиа»: Арсеньев П. Новых медиа не было — 2 // Кинема. 2021. № 2.

начальный контекст восприятия читателем, а то и самим автором этих текстов.

Наконец, материальность «письмен» оказывается неотделимой частью гносеологии, в которой знание является не абстрактной *entité*, но продуктом моторного опыта чтения и письма. Де Серто сделал из чтения активность столь же практическую, сколь и объективируемую для стороннего (или позднейшего) наблюдения. Такая исследовательская позиция сближается с медиатехнической чувствительностью или фигурой институционального критика литературы (фигура которого при более благоприятных обстоятельствах уже давно могла бы родиться на отечественной сцене из духа интереса к позднему формализму).

Такой случай, когда эмпирический опыт чтения ориентирует самого теоретика на производство собственных текстов, может быть противопоставлен «дальнему чтению» Франко Моретти, ориентированному, скорее, на создание филологической инфографики, что оказывает ретроактивное воздействие на самого читателя — или уже зрителя? — больших данных. Если Моретти мог бы сказать «я уже не читал это или это было чтение-просматривание особого типа», то Фрейжомиль так никогда не сформулировал бы свою задачу. Он тоже настроен на эмпирическую филологию, но только в его случае это приводит не к количественному анализу текстов, сведенных к массиву больших данных, а к чему-то вроде качественного эмпирического метода обращения к текстам, что и формулирует исследовательское внимание вокруг институциональной стратегии (инкорпорирования прочитанного в написанное).

Этот же качественный подход заставляет кибернетической в конечном счете стихии текстуальности и термину *переписывание* предпочесть термин *использование*, который сближает техники чтения/письма с потреблением других культурных благ или даже товаров/услуг (ср. пользовательский акцент в «Изобретении повседневности» Серто). Это позволяет избежать «замыкания в тексте» (в чем видел риск структурализма Бахтин) и заключения в «тюрьму языка» (Джеймисон), другими словами, библиоцентризма, которым грозит любая скриптуральная система.

Для де Серто практика письма-чтения — это «конкретная практика, которая разворачивается на белизне страницы и позволяет сконструировать текст, имеющий власть над внеположным ему внешним миром, от которого он сперва

изолируется»¹³. Здесь, помимо 1) маллармеанской «белизны страницы» и 2) операций по производству текста, появляется еще один момент — изменение реальности. «Остров страницы — место, где происходит инверсия индустриальной цивилизации»¹⁴, интериоризирует то, что было снаружи и вырабатывает «инструменты апроприации внешнего»¹⁵. Отметим, что в отличие от «ремесленных форм повествования», воспеваемых Беньямином на примере прозы Лескова¹⁶, Серто создает поэтику (поздне)индустриального чтения и письма.

Наконец, раз уж речь зашла об «островах» и путешественниках, удерживающих топографический горизонт чтения, можно вспомнить утверждение де Серто о том, что «книга — это публичное место, которое пересекается читателями, этими близкими чужаками»¹⁷. Эту метафору можно сравнить с той метонимией чтения и публичных пространств, из которой Хабермас собирает машину Просвещения, однако ближе, чем с универсальной прагматикой и теорией возникновения буржуазной публичной сферы, практика чтения де Серто сближается с парадоксальной прагматической теорией искусства Тьерри де Дюва, у которого именно «зрители делают картины» (Дюшан)¹⁸. Точно так же, по де Серто, книги делают читатели, то есть пользователи текстов.

Ловушка риторических приемов формализма и тактик ведения диалогической речи постформализма, аргументативных операций прагматизма или «дискурсивных технологий» постструктурализма, как правило, сводится к тому, что рассказ симулирует свое отсутствие («читатель верит, что узнает о событиях, рассказывающих самих себя»). Именно это и побуждает методологически переместиться из порядка дискурса (Фуко) к порядку книги (Шартье). Выходит, не-

13. *de Certeau M. Arts de faire//L'invention du quotidien. P.: Union Générale d'Éditions, 1980. Vol. 1. P. 235.*

14. *Ibid. P. 236-237.*

15. *Ibid.*

16. См.: *Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова//Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 383-418.*

17. *de Certeau M. Op. cit. P. 237.*

18. См.: *де Дюв Т. Живописный номинализм. Марсель Дюшан, живопись и современность. М.: Издательство Института Гайдара, 2012, а также нашу рецензию на эту книгу: Арсеньев П. Как совершать художественные действия при помощи слов: прагматическая теория искусства Тьерри де Дюва//Логос. 2015. № 4.*

что вроде эмпирической науки о текстах, или, точнее, науки о письме-и-чтении, которая учитывает не только «трансфер идей», но и материальные следы рецепции, и жесты чтения, обычно меркнувшие — в глазах исследователя — благодаря избыточности авторской риторической жестикуляции. Материальная практика чтения подразумевает не только «схватывание смысла» или знакомство с текстом (в зависимости от методологического темперамента исследователя), но и вхождение в контакт с переплетом, бумагой, типографской краской определенного типа, — превращение чтения в опыт перцепции, а не только рецепции информационного массива¹⁹. Чтение — это эмпирическая, социальная и историческая практика, культивируемая в определенных сообществах, — и далеко не только «интерпретативных», но и в таких, которые можно было бы назвать «моторными».

Библиография

- Арсеньев П. Как совершать художественные действия при помощи слов: прагматическая теория искусства Тьерри де Дюва // Логос. 2015. № 4. С. 225–234.
- Арсеньев П. Новых медиа не было — 2 // Кинема. 2021. № 2.
- Арсеньев П. От словотворчества к словостроительству: Винокур, Платонов, Третьяков в дискурсивной инфраструктуре авангарда // Новое литературное обозрение. 2022. № 1. С. 34–61.
- Барт Р. Лекция // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 545–573.
- Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 383–418.
- Винокур Г. Язык нашей газеты // ЛЕФ. 1924. № 2. С. 117–140.
- де Дюв Т. Живописный номинализм. Марсель Дюшан, живопись и современность. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
- де Серто М. Сад: блажь и блаженство Хиеронимуса Босха // Художественный журнал. 1996. № 13. С. 26–33.
- де Серто М. Сотворение места // Сегодня. 1996. № 165.
- де Серто М. Голос в кавычках // Ex Libris НГ. 1998. № 8.
- де Серто М. Искаженный голос // Новое литературное обозрение. 1997. № 28.
- де Серто М. Историографическая процедура // Неприкосновенный запас. 2014. № 3.
- де Серто М. Общее место: обыденный язык // Неприкосновенный запас. 2007. № 4.
- де Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2.
- де Серто М. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
- де Серто М. Разновидности письма, разновидности истории // Логос. 2001. № 4.
- де Серто М. Хозяйство письма // Новое литературное обозрение. 1997. № 28.

19. Что в конечном счете идет на пользу и чисто текстовым потребностям, позволяя, к примеру, вспомнить в какой части страницы находится запомнившееся место и благодаря этому быстрее его найти.

- де Серто М. Взятие речи//Транслит. 2013. № 13.
- де Серто М. Искусство делать//Изобретение повседневности. СПб.: ЕУСПБ, 2013. Т. 1.
- Скидан А. Сыр букв мел. СПб.: Jaromír Hladík press, 2019.
- Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. М.: Ad Marginem, Музей современного искусства «Гараж», 2019.
- Эйхенбаум Б. В поисках жанра//Русский современник. 1924. № 3.
- de Certeau M. Arts de faire//Idem. L'invention du quotidien. P.: Union Générale d'Éditions, 1980. Vol. 1.
- Freijomil A. G. Arts de Braconner: une Histoire Matérielle de la Lecture chez Michel de Certeau. P.: Classiques Garnier, 2020.
- Jameson F. The Prison-House of Language. A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton University Press, 1972.
- Kittler F. Discourse Networks 1800–1900. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Time and the Materiality of Reading

Pavel Arsenyev. Université Grenoble Alpes (UGA), France; literary-theoretical magazine [Translit], Moscow, Russia, lartpaulars@gmail.com.

This review is devoted to several events that took place in the field of the study of the materiality of reading at the round table of the Higher School of Social Research (*École des Hautes Études en Sciences Sociales*), held at the Alcazar Library in Marseille. The organisers of the round table designated its topic as “Reading Time” (*Le temps de la lecture*). The second element of the review was the recent publication of a book by André Freijomil “Art of the Poacher: a Material history of reading according to Michel de Certeau” (*Arts de braconner: une histoire matérielle de la lecture chez Michel de Certeau*). The material history of reading, an activity rather perceived as immaterial, comes methodologically from analysis of Michel Foucault’s discourse. As such it is sensitive not only to the materiality of the signs placed on the page, but also to the context of the publication that determines the meaning of what is being *read* (and not only *written* and “programmed” by the author). It restores the rights of the material bearers of texts and considers them, along with the techniques of the body-at-reading, as factors involved in the deployment of procedures of comprehension. The material history of reading allows us to see our object as an empirical, social and historically contextualised practice involved in certain communities – not only “interpretative” communities but also in those that could be called “motor”.

Keywords: *materiality of reading; reading time; Michel de Certeau; Roger Chartier; Michel Foucault; material bibliography; material history of the book; culture of reading.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-???-???

References

- Arsenev P. Kak sovershat' khudozhestvennye deistviya pri pomoshchi slov: pragmaticheskaya teoriya iskusstva T'erri de Dyuva [How to Perform Artistic Actions With Words: Thierry de Duve's Pragmatic Theory of Art]. *Logos. Filozofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2015, no. 4, pp. 225–234.
- Arsenev P. Novykh media ne bylo – 2 [We Never Had New Media]. *Kinema* [Cinema], 2021, no. 2.
- Arsenev P. Ot slovotvorchestva k slovostroitel'stvu: Vinokur, Platonov, Tret'yakov v diskursivnoi infrastrukture avangarda [From Word-making to Word-pro-

- duction: Vinokur, Platonov, and Tretyakov in the Discursive Infrastructure of the Avant-Garde]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2022, no. 1, pp. 34–61.
- Barthes R. Lektsiya [Lecture]. *Izbr. raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics], Moscow, Progress, 1989, pp. 545–573.
- Benjamin W. Rasskazchik. Razmyshleniya o tvorchestve Nikolaya Leskova [The Storyteller. Reflections on the Works of Nikolai Leskov]. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [The Masks of Time: Essays on Culture and Literature], Saint Petersburg, Simpozium, 2004, pp. 383–418.
- de Certeau M. Arts de faire. In: *L'invention du quotidien*, Paris, Union Générale d'Éditions, 1980, vol. 1.
- de Certeau M. Golos v kavychkakh [Les voix entre guillemets]. *Ex Libris NG* [Ex Libris Nezavisimaya Gazeta], 1998, no. 8.
- de Certeau M. Iskazhennyi golos [La parole de la possedee]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1997, no. 28.
- de Certeau M. Iskustvo delat' [Arts de faire]. *Izobretenie povsednevnosti* [L'invention du quotidien], Saint Petersburg, EUSPb, 2013, vol. 1.
- de Certeau M. Istoriograficheskaya protsedura [L'opération historiographique]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2014, no. 3.
- de Certeau M. Khozyaistvo pis'ma [L'économie scripturaire]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1997, no. 28.
- de Certeau M. Obshchee mesto: obydenyi yazyk [Un lieu commun: le langage ordinaire]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2007, no. 4.
- de Certeau M. Po gorodu peshkom [Marches dans la ville]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2008, vol. 7, no. 2.
- de Certeau M. Prizraki v gorode [Les revenants de la ville]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2010, no. 2.
- de Certeau M. Raznovidnosti pis'ma, raznovidnosti istorii [L'écriture de l'histoire]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2001, no. 4.
- de Certeau M. Sad: blazh' i blazhenstvo Khieronimusa Boskha [Le Jardin: Délices et Délices de Jérôme Bosch]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 1996, no. 13, pp. 26–33.
- de Certeau M. Sotvorenje mesta [La création d'un lieu]. *Segodnya* [Today], 1996, no. 165.
- de Certeau M. Vzyatie rechi [La prise de parole]. *Translit*, 2013, no. 13.
- de Duve Th. *Zhivopisnyi nominalizm. Marsel' Dyushan, zhivopis' i sovremennost'* [Nominalisme pictural. Marcel Duchamp la peinture et la modernités], Gaidar Institute Press, 2012.
- Eichenbaum B. V poiskakh zhanra [In Search of Genre]. *Russkii sovremennik* [Russian Contemporary], 1924, no. 3.
- Freijomil A. G. *Arts de Braconner: une Histoire Matérielle de la Lecture chez Michel de Certeau*, Paris, Classiques Garnier, 2020.
- Jameson F. *The Prison-House of Language. A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*, Princeton, Princeton University Press, 1972.
- Kittler F. *Discourse Networks 1800–1900*, Stanford, Stanford University Press, 1990.
- Skidan A. *Syr bukv mel* [Cheese Letters Chalk], Saint Petersburg, Jaromír Hladík press, 2019.
- Vinokur G. Yazyk nashei gazety [The Language of Our Paper], *LEF*, 1924, no. 2, pp. 117–140.
- Zielinski S. *Arkheologiya media: o "glubokom vremeni" audiovizual'nykh tekhnologii* [Archäologie der Medien: zur Tiefenzeit des technischen Hörens und Sehens], Moscow, Ad Marginem, Garage, 2019.